

Ее прекрасное лицо, которое хвалили бесчисленные мужчины, не смогло побороть скуку и показало тоскливый свет.

Прошел почти час с тех пор, как она пришла в его кабинет, а Моника буквально осталась без внимания.

Не было никаких изменений, даже если она создавала шум, постукивая острыми каблуками по блестящему мраморному полу и напевая неизвестную песенку.

Тем не менее, он не звал ее по имени. Единственными звуками, которые он издавал, были звуки подписания бумаг или рисования линий кончиком ручки, а также звук периодического хлопанья и переворачивания листа бумаги.

В конце концов, Моника открыла рот. С этого момента к ней неизбежно будут относиться как к помехе, но она была на пределе.

— Аллан.

— Что?

Аллан даже не оторвал глаз от газеты, которую читал.

— Детка...

На этот раз ответа не последовало. Он раздраженно наморщил лоб.

— Трой.

Звук упавшей ручки прозвенел в прохладном офисе.

— Ты.

— Теперь ты смотришь на меня.

Ярко-красные губы Моника очертили линию. По какой-то причине это была одинокая улыбка.

— Прошло несколько месяцев. Разве ты не можешь хоть поприветствовать меня?

— Я не просил тебя приходить.

Сухой голос рассеялся как дым. Яркие глаза под цветочно-рыжими волосами жадно следили за стоящим перед ней мужчиной.

— Ты когда-нибудь думал обо мне? Хоть раз.

— Ха.

Аллан издал легкий вздох и раздраженно взъерошил волосы. Его мягкие черные волосы, обернутые вокруг бледных пальцев, поймали взгляд Моники, словно овладевая ею.

— Разве я не сказал тебе ясно? Сейчас напряженное время. Я не знаю, зачем ты это делаешь, это доставляет хлопоты нам обоим. У тебя слишком много свободного времени?

Моника, сомкнув губы, подняла свое тело с дивана в центре кабинета. Сокращая шаг за шагом расстояние до стола, ее украшения, свисающие с головы и ушей, слегка покачивались и отражали разноцветные огни.

— Это нормально - немного отложить работу. Ты просто копишь лишнюю работу, которую должны делать твои подчиненные.

Вскоре она остановилась.

— Аллан, ты должен сделать это...

— Причина, по которой я это делаю.

Его холодные серо-голубые глаза приблизились к ней и уставились прямо на стоящую женщину.

— Ты не знаешь?

— Я не знаю. Просто..... Это грустно.

— Моника.

Аллан, который был измотан, прикрыл свои усталые глаза. Его действия, мимика и дыхание были наполнены ужасной скукой. Глядя на Аллана, Моника вдруг почувствовала, как слезы наполняют ее глаза.

Сжав дрожащие кулаки, она продолжала.

— Я скучаю по своему детству.

— Что?...

— В то время ты тоже был мил со мной. Ты не жалел о времени, проведенном со мной, и тебя не беспокоило, когда я приходила к тебе. Скорее, скорее ты...

— Уууу...

Аллан испустил медленный вздох. Несмотря на то, что ее голос необычайно дрожал, он не чувствовал никакого сожаления и не собирался ее успокаивать.

— Посмотри на меня, Аллан!

Даже если он больше не был с ней ласков, мысли Моника оставались неизменными. Воспоминания о далеком прошлом, когда они разделяли особые чувства, бережно хранились в ее сердце, не размываясь и не угасая.

Когда она хотела его увидеть, она пересекала море, ехала в карете в столицу, шла к нему в кабинет, и там ее всегда ждало холодное, ничего не выражающее лицо. Но прошло много времени, прежде чем она привыкла к нему. Она любила даже этот его образ, и только она могла понять и обнять бедного Аллана.

Однако причиной ее эмоционального возбуждения стало то, что она услышала то, во что никогда не хотела верить.

«Это особа... Кто она... Эта женщина.»

Аллан Леопольд, которого знала Моника, был человеком, который рисковал всем, чтобы семья в его руках была в полном порядке. Это была единственная причина, по которой он не отказался от своей жизни. Именно поэтому он патологически держался за свою работу и всегда вел себя остро, как колючая роза с темпераментной чувствительностью.

Слуги семьи говорили, что он никогда не спит долго. Время, особенно его, имело неисчислимую ценность, даже если это было всего несколько часов или несколько минут.

Поэтому, даже если он больше не смотрел на нее ласково, как раньше, Моника все понимала.

Иногда он чувствовал себя настолько жалким, что был любим. Она хотела поддержать его всеми возможными способами. Было только грустно, что он никогда не хотел ее.

Если Аллан наконец возьмет семью в свои руки и станет хозяином Леопольда, это путешествие закончится, и к тому времени она с гордостью поставит себя на место его спутницы и хозяйки семьи.

Аллан также поблагодарит ее за ожидание и ярко улыбнется, как когда-то в ее далеком воспоминании...

— Не будь как ребенок.

<http://tl.rulate.ru/book/66326/2941620>